

«СВЯТАЯ ПРАВДА, БЕЗЫСКУСНАЯ ПРОСТОТА»

«Мои воспоминания» Ехезкела Котика:
у истоков мемуарного жанра
в еврейской литературе

Вторую главу своего жизнеописания «С ярмарки» Шолом-Алейхем заканчивает так: «Маленький, совсем маленький городишко¹, но зато полный таких удивительных историй и легенд, что они сами по себе могли бы составить целую книгу. Я знаю, истории и легенды вы любите, это для вас, собственно, главное... Но мы не можем ими заниматься, а должны строго придерживаться рамок биографии и, как водится, обязаны прежде всего познакомить вас с родителями героя, с его отцом и матерью. И будьте довольны, что я начинаю сразу с отца и матери, а не с прадедушки и прапрадедушки, как это делают другие биографы»². Первые две главы «С ярмарки» — своего рода пролог, само жизнеописание начнется только в третьей главе, а пока Шолом-Алейхем объясняет читателю, каким его жизнеописание **не будет**.

Шолом-Алейхем — писатель, чуткий к вопросам литературной политики, всегда готовый к дискуссиям о судьбах еврейской литературы, в том числе о новом для нее жанре мемуаров, — прямо указывает квалифицированному читателю на тех авторов, с которыми ему не по пути. Первый адресат добродушно-язвительных намеков Шолом-Алейхема — великий Ицхок-Лейбуш Перец (создатель «удивительных историй и легенд»), второй — Ехезкел Котик, только что издавший первый том своих «Воспоминаний». Шолом-Алейхем встревожен и обижен тем, что Перец, достигший в то время пика популярности, ставший «ребом» для литературной молодежи, как будто отодвинул его на обочину литературного процесса; тем, что теперь для читающей публики «истории и легенды — главное». Понятно, что Перец, который уводит реалистическую еврейскую литературу в туманные дали символизма, достойная мишень для писателя-реалиста. Но как в одном ряду с прославленным Перцем оказался до того никому не известный певец «прадедушек и прапрадедушек»? Чем «Воспоминания» Котика, которые Шолом-Алейхем горячо хвалил, все же не вполне его устраивали — это отдельный вопрос. Важнее другое: «Мои воспоминания» сразу стали заметным событием в еврейской литературе, а их автор оказался в одном ряду с наиболее прославленными еврейскими писателями.

---

¹ Имеется в виду Воронка (Воронковка), местечко Полтавской губернии, в котором Шолом-Алейхем провел детские годы.

² *Шолом-Алейхем. С ярмарки* // Собр. соч. М., 1959. Т. 3. (Пер. Б. Ивантера и Р. Рубиной).

Хозяин дешевой кофейни на варшавской улице Налевки Ехезкел Котик «проснулся знаменитым», опубликовав в начале декабря 1912 г. первый том сочинения, названного им без затей «Мои воспоминания». Уже через несколько дней ведущий еврейский литературный критик Бал-Махшовес напечатал в газете «Дер фрайнд»³ полную похвал рецензию на новую книгу. Список тех, кого эта книга вскоре привела в восторг, совпадает с первым рядом имен еврейской литературы и литературной критики того времени.

Шолом-Алейхем получил «Мои воспоминания» в начале января 1913 г. и тут же приветствовал Котика восторженным письмом. О своем восхищении новинкой он также написал авторитетному литературному критику, своему другу Шмуелу Нигеру. Доверительная переписка Шолом-Алейхема с Котиком продолжалась на протяжении всего 1913 г. Более того, написав в 1913 г. очередную «связку писем» Менахем-Мендла и сделал его на этот раз журналистом, Шолом-Алейхем «заставляет» своего героя встретиться в Варшаве с Котиком. Одним словом, на протяжении всего 1913 г. имя Ехезкела Котика не сходит у Шолом-Алейхема с пера. Конец этому бурному «роману» положил второй том «Моих воспоминаний», сильно разочаровавший писателя.

Письменных свидетельств о реакции И.-Л. Переца на «Мои воспоминания» не сохранилось, но современники сообщают, что он прочел их с интересом и большим удовольствием, причем в отличие от Шолом-Алейхема ему понравился не только первый, но и второй том.

С восторженными рецензиями (хотя некоторые из них содержали отдельные замечания) выступили на идише, кроме Бал-Махшовеса, фольклорист Ноех Прилуцкий⁴ и писатель Довид Номберг⁵. Критик Авром Юдицкий⁶ опубликовал на иврите рецензию на «Воспоминания» Котика в газете «Ха-зман», а великий историк С.М. Дубнов⁷ — по-русски в «Еврейской старине».

³ *Бал-Махшовес*. Литерарише гешпрехн (Литературные разговоры) // Дер фрайнд. 20.12.1912. № 277. Бал-Махшовес (настоящее имя — Исроел Эльяшев, 1873–1924) — ведущий литературный критик, писал на идише и иврите.

⁴ *Прилуцкий Н.* Ехезкел Котик «Зихройнес» («Воспоминания» Ехезкела Котика) // Дер момент. 21.02.–8.03.1913. № 34, 37, 43, 46, 49, 55. Н. Прилуцкий (1882–1941) — выдающийся фольклорист, журналист, писатель, общественный деятель, писал на идише.

⁵ *Номберг Г.-Д.* Нотицн — Ехезкл Котик (Замечания — Ехезкл Котик) // Хайнт. 21.04.1914. № 82. Г.-Д. Номберг (1876–1932) — известный прозаик и публицист, писал на идише и иврите.

⁶ *Йид А. (Авром Юдицкий)*. Сиртутим сифрутиим (Литературные наброски) // Ха-зман. 28.08–10.09.1913. № 182, 186, 193. А. Юдицкий (1885–1943) — известный критик и публицист, писал на идише и иврите.

⁷ *Дубнов С.М.* <Рецензия на «Воспоминания» Котика> // Еврейская старина. 1913. № 6. С. 413–414. С.М. Дубнов (1860–1942) — выдающийся историк, литературный критик, публицист, общественный деятель. Писал на русском, а также на идише и иврите.

Весь этот поток похвальных отзывов был адресован первому тому «Моих воспоминаний». Второй том, сам по себе не лишенный достоинств, но написанный слабее первого, а также менее интересный и колоритный по материалу, был встречен полным молчанием прессы, которая явно стеснялась бранить столь ярко начавшего автора, а хвалить его было не за что. Впрочем, для современного читателя второй том продолжает сохранять и прелесть живого рассказа, и ценность важного исторического источника.

Восторги критики по поводу первого тома «Моих воспоминаний», кроме очевидных достоинств этой книги, были продиктованы тем, что это была практически первая книга воспоминаний, написанная на идише. Бал-Махшовес в упомянутой выше рецензии писал: «Мы впервые встречаем в еврейской литературе такие воспоминания. Чтобы обнаружить нечто подобное в литературе на идише, мы должны вернуться в семнадцатое столетие, когда Глюкель из Гамельна написала на идише свои воспоминания. В небольшом масштабе мы располагаем образцами этого жанра в литературе на иврите и в русско-еврейской литературе, у нас есть незавершенный “Шлойме реб Хаимс”⁸ Менделе, работа, в которой он выступил и как мемуарист, и как художник. Но такой превосходной работы мы еще не встречали»⁹.

Молодые литературы (а еврейская литература была молодой литературой) озабочены развитием системы жанров, тем, чтобы у них все было, «как у больших». При этом воспоминания не пишут молодые, это относится как к отдельным людям, так и к целым литературам. Воспоминания — признак зрелости.

Сейчас, когда в состарившейся до срока литературе на идише мемуары стали чуть ли не доминирующим жанром, трудно представить себе, что опубликованные в 1912 г. «Мои воспоминания» Котика были не только практически первой мемуарной книгой, долгожданной приметой зрелости молодой еврейской литературы, но и спровоцировали целую лавину воспоминаний. Достаточно сказать, что Шолом-Алейхем, уже принимавшийся за автобиографию в 1908 г., но оставивший эту попытку, в самом начале 1913 г., сразу по прочтении «Моих воспоминаний»

⁸ Автобиографический роман Менделе Мойхер-Сфорима, опубликованный в 1896 г.

⁹ Бал-Махшовес немного преувеличивает. В XIX в. было опубликовано около десяти мемуарных книг, преимущественно на иврите, а также на идише, немецком и русском. Среди мемуаристов XIX в. были видные деятели Гаскалы в России, такие как М.-А. Гинцбург, А.-Д. Готлобер, М.-И. Лилиенблюм. Все эти мемуары представляют собой прежде всего автобиографии. Для автобиографии XIX в. характерно то, что ее автор и одновременно главный герой — просветитель, маскил; ее основная тема — жизнь человека, который противопоставил себя обществу, косному большинству. Такие автобиографии рассказывали прежде всего не об обществе и эпохе, а о внутренней истории духовного становления автора. Воспоминаний, написанных «простыми людьми» не о себе, а об окружающем мире, в еврейской литературе до 1910-х гг. не было.

Котика, возвращается к работе над своим жизнеописанием «С ярмарки» и работает над ним до конца жизни. В том же 1913 г. Перец начинает писать автобиографию с тем же, что и у Котика, названием — «Мои воспоминания».

Котик был пионером мемуарной литературы на идише, но многоязычная еврейская литература «пустилась вспоминать» на рубеже 1910-х гг. сразу на всех своих языках. Мемуарам Котика предшествовали написанные на немецком языке «Воспоминания бабушки»¹⁰ Паулины Венгеровой (1-й том опубликован в 1908 г., 2-й — в 1910 г.) и написанные по-русски воспоминания «Из Николаевской эпохи»¹¹ Абрама Паперны (опубликованы в 1910–1911 гг.).

Сравнение этих трех классических еврейских мемуарных книг вполне правомочно. Их авторы принадлежат к одному поколению (Венгерова родилась в 1833 г., Паперна — в 1840 г., Котик — в 1847 г.), к одной социальной среде (отпрыски богатых и родовитых семейств), провели детство и юность в Белоруссии, которую они на языке своего времени называли Литвой. Что касается социальных корней, то происхождение из «приличной семьи» вообще было характерно для еврейских писателей XIX в. К тому же слою зажиточных обывателей по своему происхождению относились не только Венгерова, Паперна и Котик, но и Менделе Мойхер-Сфорим, и Шолом-Алейхем, и Перец. Как первая половина XIX в. была «дворянским» периодом русской литературы, так же можно говорить о том, что для еврейской литературы вторая половина XIX в. была ее «обывательским» периодом. Писатели — выходцы из среды ремесленников, то есть из местечкового плебса, появились гораздо позже.

Не менее существенным было и «литвацкое», миснагедское происхождение мемуаристов. Миснагеды, как правило, легче, чем хасиды, шли по пути аккультурации, включались в этот процесс мягче, естественней, без трагических революционных разрывов, проклятий и отрицаний. Это очень хорошо видно на примере «Воспоминаний» Котика. Он отчетливо показывает, насколько по сравнению с хасидами миснагеды были более открыты для новых веяний. Не только высокий статус образования в миснагедской элите, но и щепетильность в вопросах «сословной чести» заставляли ее идти в ногу с быстро меняющимся временем, ведь иначе можно было потерять и богатство, и статус в обществе.

¹⁰ Цит. по: Венгерова П. Воспоминания бабушки // Мосты культуры. М.; Иерусалим: Гешарим. 2003. (Пер. с немецкого Э. Венгеровой). Полина Венгерова (1833–1916) — автор знаменитых мемуаров «Записки бабушки», мать известного историка литературы и критика С.А. Венгерова (1855–1920), а также критика и переводчицы З.А. Венгеровой (1867–1941). Дети Полины Венгеровой перешли в православие.

¹¹ Цит. по: Паперна А.И. Из Николаевской эпохи // Евреи в России: XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2000. А.И. Паперна (1840–1919) — просветитель, педагог, публицист, писал на иврите и русском.

Сходство биографий мемуаристов не просто позволяет сопоставить все три перечисленные книги воспоминаний, но делает такое сопоставление содержательным. Сходство конкретных деталей создает ощущение достоверности. Например, когда и Котик и Паперна сообщают, что необходимой чертой характера властного и жестокого парнес-хойдеша была плаксивость, в этом видится нечто большее, чем простое совпадение.

Для правильного понимания «Воспоминаний» Котика существенно то, что они, так же как и сочинения других мемуаристов, были написаны не до, а после того, как сложилась еврейская художественная литература. Система образов и понятий и мемуариста, и его потенциального читателя во многом сформирована наличием этой литературы. Например, когда Котик пишет о странствующих книготорговцах, он сообщает о том, что они ездили «каждый со своей лошадкой — настоящей клячей Менделе Мойхер-Сфорима», и этим исчерпывает описание. Подразумевается, что всем должно быть понятно, о чем идет речь. Характерно, что Паперна, описывая по-русски такого же книготорговца, к дежурному упоминанию знаменитого *alter ego* Менделе присовокупляет еще и цитату из Некрасова, а именно из стихотворения о русском офене дядюшке Якове¹².

Но влияние художественной литературы на «Воспоминания» Котика не ограничивается конкретными ссылками и образами. Прочитанные Котиком книги формируют его стиль, его манеру изложения. Котик, не будучи профессиональным литератором, «не имеет» своего стиля, точнее, его стиль близок к стилю «наивного» устного нарратива: перечисление конкретных фактов и деловитое изложение событий сменяются то величным фольклорным рассказом, то путанными и сбивчивыми рассуждениями. Но как только он доходит до уже освоенных еврейской литературой тем, его манера решительно меняется. Котик — искусственный читатель и, как это часто бывает с «профессиональными» читателями, недурной имитатор. При этом стилистически он «всеяден». Вставная новелла о свадьбе детей во время «паники» (глава 3) откровенно подражает юмористическим монологам Шолом-Алейхема. Задушевное пение в хасидском штибле описано в стилистике хасидских рассказов Переца. Достаточно одного примера. «В ушах отзывались эти сладкие, тихие нигуним, и сон был легкий, как дрема. Бывало, проснешься на пару минут и заснешь снова. А вокруг, а вокруг — поют, поют, тихо-тихо...» Этот

¹² «Это был знакомый нам всем сутуловатый, набожный, но с оттенком иронии на лице, добродушный, но, что называется, “себе на уме” еврей — прототип столь популярного теперь, благодаря даровитому копильцу С.М. Абрамовичу, Менделе Мойхер-Сфорима. <...> А “товару у него для всякого” — полный ассортимент, да и спрос на его товар необычайный» (Паперна А.И. Из Николаевской эпохи. С. 142). Паперна неточно цитирует Некрасова, контаминируя два фрагмента из одного стихотворения: «У дядюшки у Якова / Хватит про всякого» и «У дядюшки у Якова / Про баб товару всякого» (Некрасов Н.А. Стихотворения, посвященные русским детям. Дядюшка Яков // Собр. соч. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 2. С. 290).

совершенно «перцевский» абзац даже заканчивается типичным для прозы Переца многоточием¹³.

Литература во многом сформировала не только стиль Котика, но и «каталог» тем и предметов, о которых следует писать, и то, как о них нужно писать. Скажем, его явная нелюбовь к хасидам, нелюбовь и миснагада и маскила одновременно, оказывается явно смягченной «неохасидской» модой, появившейся в литературе с легкой руки Переца. Проявившийся в 1900-х гг. интерес к еврейскому фольклору подвигает Котика вспомнить что-нибудь «фольклорное»: так в «Воспоминаниях» появляются суеверные рассказы (глава 8). То, что именно «высокая» литература вообще легитимирует «низкие» фольклорные предметы, хорошо видно на примере «Воспоминаний бабушки» Венгеровой. Упомянув те или иные песни, Венгерова ссылается на сборник «Еврейских народных песен», составленный С. Гинзбургом и П. Марекком¹⁴. Именно ученая книга, изданная в Петербурге, позволяет мемуаристке предъявить знакомые с детства песни публике. Не исключено, что и Котик рассказывает о том, как в детстве он был до смерти напуган неким видением, потому что аналогичный случай был описан Дубновым в журнальной публикации¹⁵.

И все-таки зачем, после того как силой писательского воображения уже были созданы Касриловка и Тунейдовка¹⁶, Котик берется за описание своего Каменца? Что побудило его, как и других его современников из числа «неписателей», взяться за перо? Вопрос этот тем более интересен, что жанр воспоминаний как новый, не знакомый еврейской публике, сам по себе нуждался в оправдании. С ответа на этот вопрос и Котик, и другие мемуаристы начинают предисловия к своим воспоминаниям, и в ответе на этот вопрос они единогласны, причем Котик наиболее радикален в своих формулировках. Причина, заставившая его взяться за описание родного Каменца как типичного местечка, состоит в том, что «...эти милые еврейские местечки... умерли». Замечу, что это обоснование «необходимости вспоминать», высказанное в первой книге воспоминаний, написанной на идише, стало впоследствии парадигматическим для множества воспоминаний о жизни в местечке, написанных после Первой и особенно после Второй мировой войны. У мемуаристов, писавших после катастроф XX в., были серьезные основания говорить о «смерти местечка», но что подвигло Котика к такому высказыванию?

¹³ Ср., например: «Чем больше они <хасиды> всасывают света, тем громче поют... тем громче и громче... тем веселее и свяшеннее...» (*Перец И.Л. Меж двух гор // Перец И.Л. Хасидские рассказы. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004. С. 111*).

¹⁴ Еврейские народные песни в России. Собраны и изданы под редакцией С.М. Гинзбурга и П.С. Марекка. СПб.: Издание редакции «Восход», 1901.

¹⁵ *Дубнов С. Религиозные поверия еврейского народа // Восход. 1886. Кн. 1.*

¹⁶ Тунейдовка — плод воображения Менделе Мойхер-Сфорима, Касриловка (от *кас-рилик* — «бедняк» на идише) — Шолом-Алейхема. Стали нарицательным обозначением типичных еврейских местечек черты оседлости.

«Мои воспоминания» были написаны в 1912 г., за два года до начала Первой мировой войны, которая действительно нанесла первый тяжелый удар по миру местечек. Но пока что больше половины еврейского населения Российской империи продолжало жить в местечках, и ни о какой их «смерти» говорить еще не приходилось. Между тем Котик не одинок в своем «оплакивании» местечка. Миф о смерти традиционного еврейского мира был достаточно широко распространен в то время. Например, С.А. Ан-ский в 1908 г. в своей программной статье «Еврейское народное творчество»¹⁷ обосновывает насущную необходимость собирания еврейского фольклора тем, что традиционное местечко и его культура стоят на грани исчезновения.

На мой взгляд, этот глубоко пессимистический образ «умирающего/ умершего местечка» связан с тем, что поколение Котика (люди 1840–1850-х гг. рождения) было поколением «детей Гаскалы»: они детьми (буквально!) познакомились с идеями еврейского Просвещения. Этому поколению довелось не столько развивать эти идеи, сколько популяризировать их, примерять на себя, делать своей жизненной программой. Этому поколению довелось жить в согласии с этими идеями и пережить их.

Гаскала, как всякий просветительский проект, черпала свое оправдание и свои жизненные силы в борьбе с традиционной культурой и традиционным укладом жизни. Однако к концу XIX в. Гаскала, то есть утопия осознанной, рациональной национальной реформы, была вытеснена стихийной и, с точки зрения «правоверных» маскилов, бездумной аккультурацией и ассимиляцией. Смерть Гаскалы, которая действительно была мертва к началу XX в., автоматически должна была означать для ее адептов смерть традиционной культуры и традиционного уклада, в том числе старого местечка как квинтэссенции этого уклада. Кризис просветительской идеологии воспринимался как кризис объекта ее критики.

Мир традиционного местечка был главной мишенью для просветительской сатиры. Нельзя было быть маскилом, не критикуя традиционный быт и уклад жизни. Постаревшие «дети Гаскалы», почувствовав естественные возрастные сантименты к миру своего детства, могли позволить себе сказать нечто доброе об этом мире, только признав его умершим, ибо «о мертвых — хорошо или ничего».

Характерно, что для следующих поколений еврейских писателей, поэтов и фольклористов, для тех, кто родился в 1880–1900-х гг. и уже не был связан своими корнями с Гаскалой, местечко снова становится не «умирающим» или «погруженным в мертвый сон» (как Касриловка у Шолом-

¹⁷ *Ан-ский С.А.* Еврейское народное творчество // Евреи в Российской империи XVIII–XX веков. М.; Иерусалим, 1995. С.А. Ан-ский (настоящее имя Ш.З. Рапорт, 1861–1920) — общественный деятель, революционер, писатель, этнограф, фольклорист. «Отец» еврейской этнографии. Автор знаменитой пьесы «Дибук». Писал по-русски и на идише.

Алейхема), а полным жизненных сил и живого народного творчества. В их сочинениях местечко предстает переполненной сокровищницей, откуда еврейской литературе и еврейскому искусству еще предстоит черпать и черпать мотивы и образы¹⁸.

Общими для первых еврейских мемуаристов были не только причины, заставившие их взяться за перо, но и целевая аудитория. Адресат мемуаров — это поколение «внуков». Этот выбор аудитории подчеркнут и у Венгеровой, которая назвала свою книгу «Воспоминания бабушки», и у Паперны, который пишет во вступлении к своим воспоминаниям о том, что он хочет дать «нашим внукам понятие о том, как жили их предки в до-реформенное время». Изменения, произошедшие за полвека, в 1860—1910-х гг., таковы, что «внуки», живущие в больших городах, не могут почерпнуть это «понятие» из личного опыта. Они, уже не имеющие никакого представления о жизни в местечке, равнодушны как к традиционной культуре, так и к просветительскому пафосу ее преодоления. В результате «дедушки и бабушки», желая рассказать о борьбе маскилов со старым местечком, вынуждены сочувственно рассказывать и об объекте этой борьбы, о местечке.

Читатели, «внуки», были отделены и от прошлого, и от национальной традиции, по выражению Венгеровой, «пропастью». Их «беспочвенность» не могла не пугать старшее поколение: будущее, растущее из пустоты, из «пропасти», казалось опасным. Авторы воспоминаний вовсе не были противниками прогресса, но им казалось важным, чтобы этот прогресс был укоренен в национальной почве. Наиболее бескомпромиссно это убеждение формулирует Котик в предисловии к своим «Воспоминаниям». Он пишет: «Чтобы построить новое, надо знать старое».

То, что именно поколение «внуков» было целевой аудиторией воспоминаний, написанных в начале XX в., наложило особый отпечаток на их тематику и стилистику. «Внукам» надо было все объяснять, как малым детям, как иностранцам. Это придает воспоминаниям привкус остранения, делает их незаменимым путеводителем по миру местечка. Конечно, в степени этого остранения большую роль играет язык, выбранный мемуаристом. Венгерова, пишущая по-немецки (бабушка крещеных внуков своих крестившихся детей), и Паперна, пишущий по-русски, обращаются к читателям, которым надо растолковывать самые простые вещи, например смысл и основные особенности еврейских праздников. Котик, пишущий на идише, то есть для заведомо более «еврейской» аудитории, может себе позволить не объяснять азы, сосредоточившись на конкретных, специфических деталях. Но и он считает своим долгом написать

¹⁸ Так выдающийся фольклорист Н. Прилуцкий, исследователь, принадлежавший к следующему по отношению к С.А. Ан-скому поколению, писал в предисловии к сборнику собранных им народных песен: «Это <фольклор> море: выходи и черпай ведром» (*Прилуцкий Н. Йидише фолкслидер* (Еврейские народные песни). Варшава, 1911).

отдельную 29-ю главу о том, кто такие миснагеды и хасиды, «поскольку не всем известна суть хасидизма и даже миснагедства».

В «Моих воспоминаниях» эта слабая, путаная, тяжело и неубедительно написанная 29-я глава стоит особняком. Котик повторяет сформулированный в художественной и исторической литературе его времени штамп о демократической, «низовой» природе хасидского движения¹⁹. Он вспоминает ряд цитат из Библии, которые были использованы для обоснования хасидской доктрины, но саму эту доктрину изложить толком не в состоянии.

Сила Котика не в теоретических рассуждениях и не в анализе. Он прежде всего точный, беспристрастный и несентиментальный рассказчик. «Воспоминания» Котика — уникальный документ, позволяющий на примере конкретных (именно конкретных!) рассказов понять, и часто понять по-новому, такие ключевые для еврейской истории темы, как механизм власти в еврейской общине, взаимоотношения евреев и помещиков, Польское восстание 1863 г. и многое другое.

Те или иные декларации общего характера не мешают Котику говорить жестокую правду. Поименовав в предисловии местечки «милыми», он твердой рукой рисует такую картину жизни в родном Каменце, которую назвать «милой» язык не поворачивается. Восхищаясь главным героем книги, дедом Арн-Лейзером, Котик в то же время изображает его безжалостным тираном, который удерживает свою власть, опираясь на коррумпированную русскую администрацию, на помещиков и на городской плебс. Картина борьбы деда с местечковой олигархией за власть, процесс становления его тирании в еврейской общине Каменца показаны у Котика классически: на ум приходят и Юлий Цезарь в Риме, и Медичи во Флоренции, и события гораздо более близкого времени.

Еще одна сильная сторона «Воспоминаний» Котика — это описание мира подростков. Традиционное еврейское общество, как всякое средневековое общество, не знало особого мира детства как чего-то отделенного от мира взрослых. Мы видим, как подростки становятся активными и равноправными участниками «взрослой» жизни. Еще подростком автор организует то подписку на Талмуд, то палестинофильское общество, то бунт в Старом бесмедреше, и взрослые с уважением и интересом смотрят на его затеи, а то и участвуют в них.

Котик — и в этом самая сильная сторона его «Воспоминаний» — типично фольклорный рассказчик. Он рассказывает о том, чего не видел и видеть не мог, например об истории взаимоотношений своего дяди Берл-Бендета с помещиком Сиховским, с такой глубокой убежденностью, с таким ощущением присутствия, которые характерны именно для народного рассказа. В этом он стоит гораздо ближе к устной, чем к письменной литературе. Кажется, «Воспоминания» Котика подкупили Шолом-Алейхема

¹⁹ Прежде всего в рассказах И.Л. Переца и статьях С.М. Дубнова.

именно тем, что последнему показалось, что герои его «Монологов» вдруг получили право самостоятельного голоса и сами взялись за перо.

Как только Котик перестает быть медиумом, через которого «вещает» голос коллектива, некое общее, фольклорное знание, как только от рассказов о родном Каменце в первом томе «Воспоминаний» он переходит к рассказу о своей личной судьбе и своих личных переживаниях во втором томе, он терпит творческое поражение. Котик — не писатель, и история собственных скитаний и мучений ему не удастся.

Второй том «Воспоминаний» справедливо разочаровал Шолом-Алейхема, но и первый, понравившийся, стал для него точкой творческого отталкивания. Шолом-Алейхем, заявляя о том, что он не будет «начинать» свое жизнеописание «с прадедушки», четко показывает разницу между Котиком и собой, между рассказчиком, «сказителем», с одной стороны, и профессиональным писателем — с другой. Жизнеописание Шолом-Алейхема не родовая эпическая «сага», а специальным образом сконструированный «роман жизни», конец которого известен читателю заранее, еще до того, как он прочтет первую страницу: главному герою этого романа, маленькому Шолому, суждено стать великим писателем.

Напротив, «Воспоминания» Котика — это именно воспоминания, своего рода путевые записки человека, вернувшегося не из далеких экзотических стран, а из далеких экзотических времен.

Кем же был Ехезкел Котик, первый мемуарист, писавший на идише? Ехезкел-Зеев бен Мойше Котик родился в 1847 г. в местечке Каменец-Литовск Брестского уезда Гродненской губернии. Каменец-Литовск, расположенный в юго-западном углу Литвы, был во многих отношениях городом пограничья. Он относился к черте оседлости, но был расположен недалеко от царства Польского, в миснагедской Литве — но недалеко от хасидских Полесья, Волыни и Польши. Эта пограничность родного города позволила Котику еще ярче показать различные группы и типы еврейского населения Российской империи.

Детство и юность автора подробно описаны в первом томе его «Воспоминаний», которые он доводит до дня смерти своей любимой бабушки. Смерть бабушки Бейле-Раше стала началом распада «царского полка» (по выражению Котика) — большой семьи, клана с дедом Арн-Лейзером во главе. Эта смерть совпала по времени с падением старой еврейской финансовой аристократии, спровоцированного отменой крепостного права, реформами Александра II и поражением Польского восстания. Ехезкел Котик оказался выброшен в большой мир, а Каменец, несмотря на все свои недостатки, навсегда остался для него потерянными раем. Эту ностальгию точно подметил Шолом-Алейхем, написав Котику, что тот описывает свой город как «райский сад, полный цветов и пенья птиц».

После смерти бабушки Котик живет с молодой женой и отцом в деревне. Он, продолжая мечтать об образовании, сбегает от семьи в Брест, затем в Белосток, но через какое-то время вынужден вернуться. Потом

Котик ненадолго перебирается к родне в Варшаву, где получает место меламеда. Следующий этап — возвращение к деревенской жизни: сначала аренда молочного хозяйства в селе под Белостоком, затем — имения в окрестностях родного Каменца. Все это время Котик активно занимается самообразованием, много читает на иврите и по-русски.

Шолом-Алейхем написал Котику в 1913 г. о том, что в очередной серии фельетонов о Менахем-Мендле «свел» своего героя с Котиком. Котик на это ответил, что он и сам был таким Менахем-Мендлом. Действительно, жизнь, которую вел Котик со второй половины 1860-х до начала 1880-х гг., — типичная жизнь «человека воздуха». Распад старой феодальной системы, быстрое движение наиболее экономически развитых западных окраин Российской империи по пути капитализма разорили множество богатых еврейских семейств, связанных со старой помещичьей экономикой, а тысячи подающих надежды родовитых молодых евреев превратились в «людей воздуха», в Менахем-Мендлов. В сущности, Менахем-Мендл — фигура трагическая. Это обедневший, слабый потомок аристократического рода, чем-то напоминающий пушкинского Евгения из «Медного всадника». Именно таким Менахем-Мендлом, хотящим и не могущим пробиться к новой жизни, предстает Котик во втором томе своих «Воспоминаний».

На пороге своего тридцатилетия, будучи уже отцом троих детей, Котик распрощался с деревней и с местечком и навсегда стал жителем большого города. Его личная судьба в очередной раз повторила основные тенденции миграционной истории евреев России. В 1876 г. он переезжает в Киев. Из Киева пытается совершить следующее перемещение: едет на несколько месяцев к богатой родне в Харьков и в Москву (то есть за пределы черты оседлости), но, не найдя работы, возвращается к семье в Киев. В конце концов Котик создает в Киеве достаточно прибыльную торговлю изюмным вином (опять шолом-алеихемовский сюжет), ненадолго становится на ноги.

Конец киевскому периоду положил еврейский погром, разразившийся в апреле 1881 г. после убийства Александра II. Котик и его семья, как и многие киевские евреи, бегут в Варшаву. Переездом в Варшаву заканчивается второй том «Воспоминаний». Жизнь в этом городе была описана Котиком в несохранившемся третьем томе. Однако в Варшаве Котик стал публичной фигурой, поэтому о второй, варшавской половине его жизни известно достаточно много.

Специфика законодательства о евреях в царстве Польском была такова, что иностранные, в том числе русские, евреи практически не могли селиться в Варшаве. Только после Польского восстания 1863 г. Варшаву «открыли» и туда хлынул поток еврейских мигрантов, преимущественно из Литвы. Этих «русских», то есть приехавших из собственно российских губерний евреев, литваков, польские евреи встретили, мягко говоря, без восторга. Образованные еврейские круги, настроенные пропольски,

видели в них агентов русификации, хасидская улица — миснагедов. Современник писал: «Когда литвак проходил по тем самым Налевкам, которые теперь являются средоточием еврейской жизни в Польше, вслед бежали сотни польско-хасидских мальчишек с криком: “Литвак-свинья, тьфу!.. тьфу!.. тьфу!..” А если литвак что-то хотел купить в еврейском магазине, он должен был послать кого-то из своих соседей с еврейско-польского постоянного двора, иначе его просто обжуливали, угостив при этом сочным «литвак-свинья», а нередко вообще отказывались ему продавать. Короче, первой литовской колонии в Варшаве пришлось вынести много тяжких испытаний, подобно первым еврейским эмигрантам в Америке»²⁰.

Котик, оказавшись одним из первых постоянно живущих в Варшаве литваков, стал центром кристаллизации иммигрантской литвацкой общины. Он активно помогал вновь прибывающим литвакам адаптироваться в негостеприимной Варшаве, например создал там первый литвацкий миньян. Уже из первого тома отчетливо видно, что Ехезкела Котика с детства отличали идеализм, организаторские способности и страсть создавать различные общества и объединения. Эта страсть вполне развернулась в Варшаве: Котик стал заметным деятелем варшавской еврейской общины.

Его никогда не влекла карьера делового человека, поэтому он придумал себе занятие, которое стало одновременно и источником скромных доходов, и общественной миссией. В самом сердце «еврейской» Варшавы, по адресу Налевки, 31, Котик открыл дешевую кофейню. Эта кофейня, бывшая сначала пристанищем для коммивояжеров-литваков, оказавшихся в Варшаве проездом, очень скоро превратилась в один из центров культурной и политической жизни варшавских евреев. Здесь, кроме чашки кофе или дешевого обеда, можно было получить свежий номер еврейской газеты или сыграть в шахматы. В кофейне на Налевках постоянно собирались еврейские литераторы и журналисты, активисты различных еврейских политических партий, от бундовцев до сионистов. Постепенно кофейня Котика все больше теряла характер земляческого центра и становилась перекрестком для всей «еврейской» Варшавы. Дополнительную популярность кофейне прибавило то, что ее хозяин установил в ней один из первых в Варшаве телефонов. Кофейня Котика упомянута во многих мемуарах, в которых описывается жизнь варшавской еврейской богемы начала XX в.

Но больше всего Котик прославился как инициатор и создатель множества благотворительных обществ. В 1888 г. он основал «Ахизер», благотворительную организацию для помощи больным. Эта организация, постепенно разрастаясь, стала заботиться не только о больных, но и о

²⁰ Литвин А. Ехезкел Котик и его кофейня // Литвин А. Йидише нешомес (Еврейские души). Нью-Йорк, 1917. Т. 4. (Пер. с идиша М.А. Улановской). А. Литвин (настоящее имя Шмуел Гурвиц, 1862–1943) — журналист, автор мемуаров.

неимущих, стариках, сиротах. Котик принимал участие в создании Варшавского еврейского дома престарелых, создал фонд строительства дешевых домов для еврейской бедноты. Современники вспоминали, что когда очередное благотворительное общество становилось на ноги, Котика часто оттирали от его руководства. Но он, чистейшей воды идеалист, не искавший для себя в этой деятельности ни славы, ни выгоды, начинал создавать новые общества, искал и находил жертвователей, писал и издавал многочисленные брошюры, излагавшие смысл очередного благотворительного начинания.

В 1912 г. Котик по просьбе своего сына Авром-Гирша и его друга (об этом Котик сам сообщал в письме к Шолом-Алейхему) начал писать «Воспоминания». Видимо, этим другом Котика-младшего был его товарищ по Бунду, журналист, публицист и редактор Довид Кассель (1881–1935). Он же, скорее всего, был редактором «Воспоминаний». Злые языки утверждали, что Кассель не просто отредактировал книгу, а, обработав устные рассказы Котика, сам написал знаменитые «Воспоминания». Эти слухи кажутся беспочвенными. «Воспоминания» написаны слишком «неловко», для того чтобы быть произведением профессионального литератора Касселя. Современник, говоря о многочисленных брошюрах, составленных Котиком для пропаганды своих благотворительных начинаний, характеризует их так: «Брошюра вас захватывала не своим прекрасным стилем, не изящно сформулированными высказываниями и мыслями. Котик на это вовсе не мастер. В писаниях его не следует также искать никакой грамматики. Довольно часто тянется у него одна фраза на всю страницу и еще дальше. Идишь его, однако, очень чист и неприкрашен. Так говорит народ»²¹. Эти характеристики могут быть всецело приложены и к «Воспоминаниям». Нет сомнения в том, что, несмотря на возможную редактуру Касселя, перед нами текст, написанный Котиком, со всеми достоинствами и недостатками, присущими Котику как писателю и как человеку.

Все, кто вспоминал о Котике и в связи с его кофейней, и в связи с его общественной деятельностью, в один голос говорили о его доброте и идеализме, которые, впрочем, не мешали практической сметке. Именно эти черты характера окрашивают весь текст «Воспоминаний», придают специфическую интонацию голосу Котика-рассказчика. Яркая и обаятельная личность автора обнаруживает себя на каждой странице книги.

В течение 1913 г. Котик работает над вторым томом «Воспоминаний» и активно переписывается с Шолом-Алейхемом. В конце ноября того же года второй том выходит в свет. Автор шлет его Шолом-Алейхему. Писатель разочарован. С его точки зрения продолжение «Воспоминаний» — «дрянь», о чем он и сообщает в письме Шмуелу Нигеру. Котик жаждет получить оценку своего нового труда. Он пишет Шолом-Алейхему о том, что ждет его отзыва, «как ребенок — ханукальных денег, как хасид — слов

---

²¹ Там же. С. 8.

своего ребе», а также о том, что Перец похвально отозвался о втором томе. Шолом-Алейхем молчит, долго не отвечает, наконец пишет нечто уклончивое. В апреле 1914 г. во время последнего приезда в Россию Шолом-Алейхем посещает Варшаву. Видимо, тогда же он встречается с Котиком и говорит ему все, что думает о его новой работе. Как бы то ни было, очень активная до тех пор переписка между Котиком и Шолом-Алейхемом с этого момента прекращается.

В том же году Котик работает над третьим томом «Воспоминаний». Известно, что этот том был завершен. Начавшаяся мировая война помешала его публикации. Впоследствии рукопись последнего тома «Воспоминаний» была безвозвратно утеряна.

В 1914 г. Котик тяжело заболевает, отходит от активной общественной деятельности. О последних годах его жизни известно мало. В 1921 г. он начинает готовить свои «Воспоминания» к новому изданию в берлинском издательстве «Клал-фарлаг». До их выхода в свет он не дожил. Ехезкел Котик скончался 13 августа 1921 г. Второе издание «Воспоминаний» вышло в свет через несколько месяцев после смерти их автора, в начале 1922 г.

Переводчик «Моих воспоминаний» М.А. Улановская сообщила, что потомки их автора продолжают жить в России до сегодняшнего дня. В Москве проживала внучка Ехезкела Котика Рахиль Абрамовна Котик. Она переводила «Воспоминания» своего деда на русский язык, но, не успев закончить свой труд, умерла. Ее работу завершила по просьбе проживающей в Нижнем Новгороде внучатой племянницы Котика Светланы Дикарёвой Мария Петровна (Малка Пиневна) Найстетер, также ныне покойная. М.А. Улановская посвящает этот перевод памяти своих предшественниц, Р.А. Котик и М.П. Найстетер, и своего учителя идиша, Дова Сискеля, который с большим сочувствием отнесся к этой работе.

«Воспоминания» Котика больше не переиздавались на идише. В разные годы отрывки из них были напечатаны в переводе на немецкий, английский и иврит. Книга сохраняла свой авторитет среди постоянно сокращающегося круга любителей литературы на идише. К ней, как к первостепенной важности источнику, обращались исследователи. Но новую жизнь «Воспоминания» Котика обрели только тогда, когда стараниями израильского историка Давида Асафа вышел их перевод сначала на иврит в 1998 г., а затем на английский в 2002 г. Теперь они приходят и к русскому читателю.

Валерий Дымшиц